

Карамзину: «Опасно связываться с вашею братнею, авторами, тотчас попадешь в лабет («в дураки» — карточный термин, означающий проигрыш, — Ю. Л.). Я и сам знаю многие мои пороки и недостатки; что ж будет, ежели они предложатся публике, изображенные искусною кистью?»⁹ Каким образом Карамзин мог в своем «путевом журнале» «искусною кистью» изображать недостатки Кутузова, если они не встречались за границей? Прямым следствием этих слов является вывод о том, что Карамзин и Кутузов встречались за границей, что Кутузов боялся нескромности своего друга и не хотел, чтобы их встречи были известны публике, и что Карамзин скрыл от читателя эту сторону своего реального путешествия.

Вывод о том, что «Письма русского путешественника» очень свободно отражают реальное путешествие Карамзина и являются литературным произведением, имитирующим документальность, а не подлинными документами, не представляет чего-либо новаторского. Гораздо существеннее ответить на вопрос: где и когда Карамзин мог встретиться с Кутузовым? Ответ может быть только один: летом 1789 г. в Париже. Если предположить, что сообщение о возвращении из Страсбурга в Швейцарию не точно, что на самом деле Кутузов звал Карамзина не в Страсбург, а в Париж (что гораздо естественнее), что Карамзин откликнулся на этот зов, прибыл в Париж, оттуда направился в Швейцарию и после путешествия по ней снова поехал в столицу Франции, уже через Лион, то все смысловые и хронологические неувязки сами собой устраняются. Но тогда возникает естественный вопрос: зачем Кутузов отправился в Париж и почему Карамзин тщательно скрывал эту поездку? Нам, в отдаленной исторической перспективе, естественно предполагать, что в начале лета 1789 г. в Париж мог привести, скорее всего, интерес к революционным событиям и что эти же события вызвали необходимость скрывать поездку. Такое предположение следует отбросить: с точки зрения правительства Екатерины II, поездка в Париж летом 1789 г. ничего криминального собой не представляла — в столице Франции было много русских, но это не беспокоило ни русского посла, ни петербургские власти, которые склонны были рассматривать в эти дни парижские события как чисто французское дело и даже испытывали по этому поводу известное злорадное удовлетворение. Людовик XVI был несимпатичен Екатерине II, а из смут во Франции Россия надеялась извлечь дипломатические выгоды.

Совершенно иначе глядели в Петербурге на зарубежные масонские связи: это представлялось крайне опасным. Особенно активизировались преследования масонов в момент возвращения Карамзина из-за границы и публикации им «Писем». Известно, что следствие по делу Новикова специально интересовалось ха-

⁹ Барсков Я. Л. Переписка..., с. 55.